

A soldier in a brown winter uniform and helmet stands in a snowy mountain landscape, looking towards a snow-covered valley. The scene is filled with evergreen trees and a small wooden cabin in the distance. The sky is a clear, pale blue.

СЕРГЕЙ ГРИШИЛИН

Протокол тишина. Эхо Зенита

Протокол тишина.

Сергей Гришили́н

Протокол тишина. Эхо Зенита

«Автор»

2026

Гришкин С.

Протокол тишина. Эхо Зенита / С. Гришкин — «Автор»,
2026 — (Протокол тишина.)

Двенадцать часов тишины. Пропавший патруль. И агент, который знает: если он не найдет правду в ледяных горах Алтая, она сама придет за ним. Но враг оказался не тем, кого он ожидал, а свои готовы стереть его в порошок вместе с секретом "Зенита".

© Гришкин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Шепот кедра	10
Глава 2. Железные кости	13
Глава 3. Эхо в бетоне	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Гришилин

Протокол тишина. Эхо Зенита

Пролог

Горы Алтая не прощают ошибок. Они не прощают слабости, суеты и, превыше всего, они не прощают шума.

Аробей знал это лучше, чем кто-либо. Его дыхание вырывалось из-под балаклавы густыми клубами пара, мгновенно замерзая на синтетической ткани. Каждый вдох обжигал легкие ледяным воздухом, каждый выдох требовал осознанного, жесткого контроля. Он не бежал. Бег в таких условиях, с полным тактическим снаряжением за плечами, был бы самоубийством. Он двигался в ритме, который вырабатывал годами: четыре шага – глубокий вдох, четыре шага – медленный выдох. Контроль над собственным телом здесь был не просто навыком, а вопросом выживания.

Вокруг царил свинцовая, непроницаемая тишина, нарушаемая лишь глухим, ритмичным хрустом берцов по смерзшемуся гравию серпантина. Густой туман, плотный, как вата, обволакивал склоны, сужая мир до нескольких десятков метров мутной серой пелены и тусклых, едва различимых очертаний тропы.

В наушнике раздался тихий, едва уловимый треск помех, а затем – голос. Спокойный, ровный, с той самой едва заметной хрипотцой усталости, которая выдавала в Граните человека, прошедшего за пультом управления не одну бессонную ночь. Но в этом голосе не было и тени паники. Только холодный, отточенный профессионализм.

– Аробей, связь устойчивая, помехи минимальны, – произнес Гранит. – Погода ухудшается, видимость не более пятидесяти метров. Держись курса на старые ориентиры.

Аробей нажал тангенту на воротнике куртки, не сбавляя шага. Его собственный голос прозвучал глухо и низко, без лишних эмоций.

– Слышу тебя, Гранит. Вижу ориентиры. Начинаю подъём к контрольной точке.

– Принято. Помни, патруль группы «Вега» перестал выходить на связь двенадцать часов назад. Последний сеанс был штатным, без аномалий. Твоя задача – визуальный контакт, оценка обстановки и, при возможности, эвакуация выживших. Никакого героизма. Ты – глаза и уши Центра.

– Понял. Без героизма, – коротко бросил Аробей, отключая микрофон.

Он поправил ляжку разгрузки, чувствуя, как автомат ложится в привычную, почти родную ложбинку на груди. Оружие было проверено трижды перед вылетом. Патрон в патроннике. Аробей предпочитал действовать в одиночку. Группа – это шум, это компромиссы, это чужие ошибки, за которые приходится платить своей кровью. Здесь, на этой проклятой высоте, он был один на один с горами и с тем, что случилось с группой «Вега».

Туман начал редеть, но лишь для того, чтобы уступить место другому врагу. С неба, словно из ниоткуда, посыпались первые крупные хлопья снега. Они тут же таяли на разогретой поверхности бронежилета, но ветер, усиливающийся с каждой сотней метров подъема, быстро превращал их в ледяную крошку, бьющую по лицу.

Прошло сорок минут медленного, методичного подъема. Мышцы ног начали ныть, требуя отдыха, но Аробей заставил себя сделать короткую остановку лишь для того, чтобы свериться с компасом. Он был машиной, отлаженной до миллиметра.

Серпантин сделал резкий поворот, открывая небольшую площадку, вдавленную в склон горы. И там, в серой мгле, проступили очертания техники.

Это был армейский внедорожник, окрашенный в стандартный камуфляж пограничных войск. Машина стояла под неестественным углом, одним колесом свесившись в кювет. Двигатель был заглушен, но капот все еще слабо дымился, выдавая недавнюю работу.

Аробей мгновенно перешел в режим боевого внимания. Он снял автомат с предохранителя, бесшумно припал к земле, используя валун как укрытие, и начал осматривать периметр. Никаких движений. Никаких звуков, кроме завывания ветра.

Он медленно, шаг за шагом, сократил дистанцию, приближаясь к машине с мертвой зоны. Стекла были выбиты. Не пулями – чем-то тяжелым, тупым. Лобовое стекло превратилось в паутину трещин, а боковые отсутствовали вовсе.

– Гранит, я на месте, – прошептал Аробей в микрофон, его глаза сканировали салон. – Вижу транспорт группы «Вега». Машина брошена. Стекла выбиты. Кровь на приборной панели и на снегу. Свежая, не замерзла до конца.

– Принял, Аробей, – голос в наушнике остался невозмутимым, но в нем проскользнула новая нотка напряжения. – Сделай снимок периметра и детальный снимок земли вокруг водительского места. Передаю данные на анализ.

Аробей медленно обошел машину, стараясь не наступать на подозрительные пятна на снегу, и навел камеру на землю у переднего колеса. Раздался едва слышный щелчок.

В наушнике повисла тишина. Длилась она ровно одиннадцать секунд. Для Гранита это была целая вечность.

– Вижу гильзы, – наконец произнес Гранит, и его голос стал суше, аналитичнее. – Калибр 5.45. Стреляные. Судя по разбросу, стрельба велась очередями. Но вот что важно, Аробей: наши не стреляли в упор из машины. Гильзы снаружи, у передних колес. Они попытались выйти из транспорта. Это была не перестрелка. Это была засада.

Аробей почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с погодой. Засада на пограничной метеостанции в глуши Алтая? Кому это могло быть нужно?

– Будь осторожен, Аробей, – продолжил Гранит. – Переведи тепловизор в активный режим, прочеши сектор на предмет скрытых сигнатур. Если они устроили засаду здесь, они могут контролировать подходы к станции.

– Понял. Перевожу, – Аробей коснулся сенсора на боку шлема. Мир окрасился в оттенки синего и фиолетового. Он медленно повел головой, сканируя склон выше по серпантину. – Тепловых сигнатур нет. Только остывающий двигатель и... постой.

Он прищурился, вглядываясь в фиолетовую дымку.

– Вижу слабые остаточные следы. Множественные. От машины они уходят в сторону станции. Примерно шесть-восемь человек. Они шли быстро, но не бежали. Идут след в след, чтобы сбить с толку. Профессионалы.

– Или хорошо обученные наемники, – мрачно заключил Гранит. – Расстояние до станции – четыреста метров. Лесополоса слева дает естественное укрытие. Используй ее. Двигайся бесшумно. Я буду мониторить эфир на предмет любой активности. Если что-то пойдет не так, у тебя есть право на применение оружия по ситуации. Но помни: ты здесь, чтобы узнать правду, а не начать войну.

– Принято. Выдвигаюсь по лесополосе. Конец связи.

Подход к метеостанции был упражнением в предельной концентрации. Аробей заставил свое тело двигаться с неестественной плавностью. Каждый шаг рассчитывался так, чтобы нога опускалась на землю с внешнего края ступни, перекатываясь на носок, чтобы не сломать сухую ветку и не хрустнуть снегом. Его выносливость была на пределе: тяжелое дыхание приходилось сдерживать силой воли, чтобы не создавать лишнего шума.

Здание метеостанции возникло из тумана, как призрак. Двухэтажное строение из потемневшего бруса и бетона, с облезлой краской и покосившейся антенной на крыше, которая

теперь безжизненно свисала вниз. Окна на первом этаже были заколочены фанерой, но одна доска на центральном окне была сорвана, зияя черной дырой.

Аробей остановился в десяти метрах от главного входа. Он прислонился спиной к холодному камню фундамента, закрыл глаза на секунду, выравнивая пульс, и открыл их уже с холодным, расчетливым фокусом хищника.

– Гранит, я у входа. Дверь приоткрыта. Петли не сорваны, замок, похоже, выбили изнутри или открыли ключом.

– Будь предельно внимателен, Аробей. Внутри замкнутое пространство. Любой звук будет усилен. Если там кто-то есть, ты узнаешь об этом первым.

– Понял. Вхожу.

Аробей бесшумно толкнул тяжелую металлическую дверь. Она скрипнула, и этот звук в мертвой тишине прозвучал как выстрел. Он замер, вскидывая автомат, водя стволом из стороны в сторону, прислушиваясь. Тишина. Только гул ветра за стенами и капающая где-то в глубине здания вода.

Он проскользнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

Внутри пахло сыростью, старой пылью, машинным маслом и слабым, едва уловимым металлическим запахом свежей крови. Коридор был длинным и узким, освещенным лишь тусклым, мерцающим светом аварийной лампы в дальнем конце. Стены были обшиты деревянными панелями, многие из которых были сорваны или исцарапаны. Не пулями. Когтями? Или чем-то похожим на них. Аробей провел пальцем в перчатке по глубокой борозде в дереве. Слишком широкая для ножа. Слишком глубокая для обычного инструмента.

Он двигался по коридору, прижимаясь к стене, проверяя каждую дверь. Первая комната – пустой склад с перевернутыми стеллажами. Вторая – разгромленная комната связи. Аппаратура была вырвана с корнем, провода свисали, как кишки, мониторы разбиты вдребезги.

– Гранит, я в здании, – прошептал Аробей, его голос был едва слышен даже для него самого. – Первый этаж зачищен. Следы борьбы. Техника связи уничтожена намеренно, не просто разбита, а вырвана с мясом. Ищу лестницу на второй этаж.

– Принято, Аробей. Я фиксирую странные электромагнитные помехи в твоём секторе. Связь ухудшается. Аробей, если эфир ляжет, твоя приоритетная задача – немедленный отход к точке эвакуации. Не геройствуй.

– Понял. Поднимаюсь.

Лестница скрипнула под его весом. Аробей замер на полпути, затаив дыхание. Наверху раздался звук. Тихий, шаркающий. Как будто кто-то волочил тяжелый предмет по деревянному полу.

Он бесшумно преодолел оставшиеся ступени, оказавшись на втором этаже. Коридор здесь был таким же длинным и мрачным. В конце его, в единственной комнате с приоткрытой дверью, мерцал слабый красный огонек.

Аробей приблизился к двери, прижался к косяку и резко, но бесшумно заглянул внутрь. Комната пуста. Никаких врагов. Никаких тел.

В центре пола, на фоне разбросанных бумаг и опрокинутого стула, лежало небольшое черное устройство. Полевой регистратор данных. Именно от него исходило слабое красное свечение светодиода, мигающего в режиме ожидания.

Аробей вошел в комнату, не опуская автомат, и присел на корточки рядом с устройством. Он не стал трогать его голыми руками, аккуратно подцепив краем ножа и перевернув. На экране мигала надпись: «1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ».

– Гранит, я нашел устройство записи. В комнате на втором этаже. Тел нет. Только это.

– Не включай его вслепую, Аробей, – голос Гранита вдруг стал жестче, в нем прорезались нотки тревоги, которые оперативник не слышал никогда раньше. – Это может быть маяком или триггером. Проверь его на наличие взрывчатки.

Аробей внимательно осмотрел устройство со всех сторон.

– Чисто. Нет взрывчатки, нет активной радиопередачи. Только локальная аудиозапись. Включаю.

Он нажал кнопку воспроизведения.

Сначала из динамика донесся лишь треск и шипение, а затем – голос. Но это был не голос командира патруля. Это был искаженный, прерывающийся шепот, полный первобытного, животного ужаса. Голос срывался, человек задыхался, словно бежал или прятался, прижимая рот к микрофону.

«...повторяю, это не диверсанты... они не люди... Боже, они не люди...» – голос прервался тяжелым, влажным кашлем. – *«Протокол... Протокол "Зенит" активирован. Они вырвались из-под льда. Не присылайте подкрепление. Не присылайте никого. Заблокируйте сектор. Они слышат радиоволны. Они идут на...»*

Запись оборвалась резким, оглушительным скрежетом, похожим на скрежет металла о кость, а затем наступила абсолютная, звенящая тишина.

Аробей замер. Его разум, натренированный анализировать тысячи сценариев, на долю секунды дал сбой. «Не люди»? «Из-под льда»? Это звучало как бред сумасшедшего, но ледяной ужас в голосе говорящего был слишком настоящим, слишком подлинным, чтобы его можно было сыграть.

В наушнике повисла тяжелая пауза. Связь прорывалась с трудом, сквозь плотную стену помех, но в голосе Гранита больше не было аналитической спокойности. В нем была сталь и отчаянная срочность.

– Аробей, слушай меня внимательно, – голос Гранита резко изменился, став жестким, командным, отсекающим любые сомнения. – Это уже не пропавший патруль. Повторяю, это уже не пропавший патруль. Отступай к точке эвакуации. Немедленно.

– Гранит, что такое «Проект Зенит»? – Аробей уже разворачивался к двери, его мышцы напряглись, готовые к рывку. – В базе данных нет такой информации.

– Миссия изменена, Аробей! – почти крикнул Гранит, и в этот момент связь прервалась, сменившись сплошным белым шумом. – Повторяю, миссия изменена. Это ловушка. Выходи оттуда!

Белый шум в наушнике был оглушительным. Аробей рванул его из уха, чтобы слышать окружающий мир. Его сердце билось ровно, но быстро, накачивая кровь, обогащенную адреналином. Он не паниковал. Паника убивает. Он переключился в режим чистого выживания.

Он бесшумно выбежал из комнаты, направляясь к лестнице. Но именно в этот момент он услышал это.

Снизу, с первого этажа, раздался звук. Не скрип. Не шорох. Это был тяжелый, синхронный шаг. А затем еще один. И еще. Множественные шаги. Они не пытались быть бесшумными. Они двигались с подавляющей, методичной уверенностью, поднимаясь по лестнице.

Аробей замер в темноте длинного коридора второго этажа. Он прижался спиной к холодной деревянной стене, затаив дыхание. Его пальцы легли на цевье автомата. Он перевел дыхание в режим минимального потребления кислорода.

Шаги приблизились к площадке лестницы. Они остановились.

Аробей медленно, миллиметр за миллиметром, выглянул из-за угла.

В начале коридора, в тусклом свете мерцающей лампы, стояла тень. Высокая, неестественно вытянутая фигура в тяжелом тактическом обмундировании, но с очертаниями, которые не соответствовали человеческой анатомии. Плечи были слишком широкими, движения – дергаными, но при этом пугающе плавными.

Фигура медленно повернула голову в сторону Аробея. В темноте не было видно лица, только тусклый отблеск чего-то, похожего на оптический сенсор, но не стандартного армейского образца.

Оно знало, что он здесь.

Фигура сделала шаг назад, в тень лестничного пролета. Раздались удаляющиеся шаги. Не бегство. Это было отступление. Или, что было гораздо хуже, приглашение. Они не атаковали сразу. Они загоняли его в угол. Они блокировали единственный выход.

И тут, прямо за спиной Аробей, из темноты глухого угла коридора, куда он даже не подумал проверить, раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Резкий, металлический, лязгающий звук.

Щёлк-кляц.

Щелчок затвора, передергиваемого вручную. Звук был так близко, что Аробей почти почувствовал дульное тепло. Кто-то стоял прямо за его спиной, в слепой зоне, все это время, пока он смотрел на лестницу.

Аробей начал разворачиваться, его мышцы взорвались движением, но было уже слишком поздно.

Свет аварийной лампы мигнул в последний раз и погас, погружая коридор в абсолютную, непроглядную тьму. Последнее, что услышал Аробей перед тем, как сознание поглотила чернота, был не выстрел, а тяжелый, хриплый выдох прямо у своего уха и звук падающего на пол тела.

Остался только звук удаляющихся, тяжелых шагов в темноте и эхо затвора, застывшее в ледяной тишине гор Алтая.

Глава 1. Шепот кедра

Тайга не прощает чужаков. Она терпит их лишь до тех пор, пока они не нарушают её древний, неписанный закон тишины. А когда закон нарушается, тайга начинает переваривать нарушителя, медленно, методично и безжалостно, стирая его из памяти земли так, будто его здесь никогда и не было.

Аробей двигался сквозь утренний туман, стелющийся над мхом, как призрачное, холодное море. Воздух здесь был густым, осязаемым, пропитанным запахом прелой хвои, сырой земли и ледяной влаги, которая, оседая инеем на воротнике его тяжёлой куртки, медленно, но верно пробиралась к коже. Каждый его шаг был результатом долгих лет изнурительных тренировок, выверен до миллиметра: носок ступни в мягком, но прочном ботинке касался земли первым, вес тела мягко перекачивался на внешнее ребро, затем на пятку, чтобы не хрустнула ни одна сухая ветка, не шелохнулся ни один камешек, не треснула ни одна льдинка. Он не шёл по лесу – он вплетался в него, становясь ещё одной тенью среди вековых, мрачных кедров, чьи кроны смыкались над головой, перекрывая и без того скудный, свинцовый свет пасмурного утра.

В наушнике, скрытом под плотной тканью балаклавы и слоем защитного шлема, раздался тихий, знакомый треск статики, а затем – голос.

– Аробей, связь устойчивая, спутник вывел тебя на прямую, – голос Гранита был спокойным, размеренным, с той самой едва уловимой хрипотцой, которая выдавала человека, прошедшего за пультом управления не одну бессонную ночь. Казалось, оператор сидел не в душном, заваленном мониторами бункере за сотни километров отсюда, а шёл рядом, вдыхая тот же ледяной воздух. – Спутник зафиксировал твоё продвижение по руслу высохшей реки. Ты в трёх километрах от последней известной точки контакта состава номер сорок два.

– Вижу ориентиры, – ответил Аробей. Его голос прозвучал тихо, почти сливаясь с шелестом ветра в верхушках деревьев, но в наушнике он был чётко, как удар молотка по наковальне. – Туман густеет. Видимость упала до тридцати метров, местами до двадцати. Следов гусеничной или колёсной техники пока нет. Грунт мягкий, но промерзший сверху, следы будут видны, если знать, как искать.

– Будь внимателен, – Гранит сделал паузу, и Аробей услышал тихий, ритмичный стук клавиш на том конце линии. – Согласно досье, которое только что подняла Искра, группа захвата могла использовать местное население как проводников. Или, наоборот, как живой щит, чтобы скрыть своё перемещение от спутникового наблюдения. Держи ухо остро. Любое отклонение от нормы – докладывай немедленно.

Аробей кивнул, хотя знал, что Гранит этого не видит. Это был рефлекс, привычка, оставшаяся от тех времён, когда они работали в паре в полевых условиях, плечом к плечу. Он сверил азимут на компасе, прикреплённом к ремню разгрузки, и углубился в чашу.

Лес вокруг был не просто тихим – он был мёртвым. Это была та особая, звенящая тишина, которая наступает перед грозой или землетрясением. Не пели птицы, не стрекотали насекомые, даже ветер, казалось, боялся шелестеть листвой. Природа инстинктивно затаила дыхание, чувствуя приближение чего-то чужеродного, чего-то, что не вписывалось в естественный, жестокий круговорот жизни и смерти.

Спустя час монотонного, изматывающего движения, требующего постоянной, изматывающей концентрации, силуэт деревьев впереди начал меняться. Туман слегка поредел, открывая фигуру человека, сидящего на поваленной, покрытой зелёным, бархатистым мхом берёзе.

Это был не солдат и не потерянный турист. Старик в потрёпанном, местами залатанном ватнике, с длинной, спутанной седой бородой, в которой застряли хвоинки и кусочки коры. Через его колено была небрежно перекинута старенькая двустволка с потемневшим от времени

и влаги деревянным ложем. Он курил самокрутку, и едкий, горький дым тут же растворялся в сырости, не успевая подняться вверх.

Аробей замер. Он не стал прятаться – в этом месте это было бы ошибкой, выдавшей бы его присутствие. Вместо этого он плавно, без резких движений, снял руку с рукояти автомата, но не убрал её далеко, держа пальцы в готовности. Он сделал шаг вперёд, намеренно, но аккуратно наступив на сухую, толстую ветку.

Хруст прозвучал как выстрел в этой неестественной, давящей тишине.

Старик не вздрогнул. Он не дёрнулся, не потянулся к ружью. Он лишь медленно, с ленивой грацией старого, повидавшего всё хищника, повернул голову, и его блёклые, но пронзительные, словно выпцветшие на солнце осколки стекла, глаза уставились прямо на Аробея.

– Ты громко ходишь для того, кто так сильно хочет остаться незамеченным, городской, – прохрипел старик. Его голос напоминал скрежет камней на дне пересохшего ручья.

– Я ищу поезд, – сказал Аробей, подходя ближе, но сохраняя дистанцию в пять метров – оптимальную для реакции на внезапную атаку. – Железнодорожный состав. Он шёл этой дорогой два дня назад. Военный эшелон.

Старик усмехнулся, обнажив желтые, редкие зубы, и сплюнул в сторону, прямо в мох.

– Поезд? Железная дорога молчит уже трое суток. А до того, как она замолчала, я слышал не лязг вагонов и не гудок тепловоза. Я слышал вой.

– Волчий? – уточнил Аробей, сканируя периметр боковым зрением, отмечая каждую деталь.

– Не волчий, – отрезал старик, и в его глазах мелькнула тень искреннего, глубоко запрятанного страха. – Механический. Низкий, вибрирующий. Такой, от которого зубы сводит, а собаки воют, забившись под крыльцо и не смея высунуть нос. Земля дрожала.

Аробей достал из разгрузки небольшую, заламинированную фотографию. На ней был запечатлён командир охраны состава, майор с суровым, волевым лицом.

– Ты видел этих людей? Тех, кто был на поезде?

Старик даже не взглянул на фото. Он выбил самокрутку о грубый каблук валенка, и тлеющие искры погасли в грязи.

– Меня зовут Ворон. И я не люблю, когда военные в камуфляже роются в моей тайге, оставляя после себя только смерть. Но тебе, похоже, повезло, городской. Я видел, как они прошли. Не по рельсам. Они ушли в сторону старых выработок, к бетонным коробкам, что гниют у реки.

– Куда именно? – настойчиво спросил Аробей, делая ещё полшага вперёд.

Ворон помолчал, разглядывая Аробея с новым, странным интересом, словно оценивая, стоит ли этот человек в дорогой экипировке того, чтобы его предупредить, или он такой же обречённый, как и те, кто прошёл здесь до него.

– За рекой, где лес кончается и начинается ржавчина. Там, где раньше делали станки, а теперь, похоже, делают гробы. Но послушай мой совет, если в тебе ещё осталась капля разума: не ищи их. То, что забрало этот поезд, не оставит тебе ничего, кроме дырки во лбу и забытого имени. Они не люди. Или больше не люди.

– Что ты имеешь в виду? – Аробей сузил глаза.

– Они двигались так, будто у них один мозг на всех, – прошептал Ворон, и его голос дрогнул. – И они видели в темноте. Не свети фонарём, городской. Они видят тепло. Они слышат, как кровь стучит в твоих венах.

Старик поднялся, вскинул ружьё на плечо с неожиданной для его возраста лёгкостью и, не сказав больше ни слова, шагнул в сторону. Он не пошёл по тропе. Он просто вошёл в густую стену кустарника и растворился в тумане так же бесшумно и незаметно, как и появился, словно его и не было вовсе.

Аробей постоял ещё несколько секунд, прислушиваясь. Только шелест ветра. Он нажал тангенту.

– Гранит, ты слышал разговор?

– Частично, – ответил Гранит, и в его голосе впервые за всё время прозвучала тень озабоченности, скрытая за профессиональной маской. – Искра уже пробивает информацию по старым промышленным зонам в этом секторе. Есть один крупный объект – машиностроительный завод, заброшенный в девяностых. Он идеально подходит под описание «бетонных коробок» у реки. Аробей, выходи к руслу реки. Там ты должен найти сам поезд. А я пока свяжусь с местным депо. Возможно, кто-то из рабочих или диспетчеров видел больше, чем этот местный отшельник.

– Принято. Двигаюсь к реке. Конец связи.

Глава 2. Железные кости

Русло высохшей реки оказалось не таким уж и высохшим. В низине, скрытой от пронизывающего ветра, сохранились лужи мутной, застоявшейся воды, а по краям тянулась густая, колючая лоза, цепляющаяся за одежду, как руки утопленников. И именно здесь, среди этой дикой, запущенной поросли, лежал изувеченный гигант.

Состав номер сорок два сошёл с рельсов не из-за аварии или ошибки машиниста. Аробей увидел это сразу, как только вышел на гребень холма и остановился, слившись с силуэтом огромного, поросшего лишайником валуна. Тепловоз был смят, словно консервная банка, ударившаяся о невидимую, непреодолимую стену на огромной скорости. Металл кабины был вывернут наружу, стекло разбито в мелкую, блестящую крошку. За ним вагоны сошли с пути, выстроившись в ломаную, неестественную, змееподобную линию. Некоторые из них были вскрыты. Не взрывом и не резаком. Дверные проёмы были вырваны с корнем, петли выломаны, толстый металл загнут наружу, будто кто-то обладал нечеловеческой, демонической силой или использовал режущее оборудование промышленного масштаба, работающее с пугающей, хирургической эффективностью.

Аробей спустился вниз, его автомат был вскинут и готов, палец лежал на спусковой скобе. Он двигался между вагонами, сканируя каждый угол, каждую тень, каждый выступ металла. Запах здесь был другим: не хвоя и сырая земля, а резкий, тошнотворный запах озона, горелой проводки и сладковатый, тяжёлый, металлический дух свежей крови, который не мог полностью скрыть даже холодный, влажный воздух.

– Гранит, я на месте, – прошептал он, заглядывая в зияющую, тёмную дыру одного из грузовых вагонов. Внутри царил хаос: ящики разбиты, содержимое разбросано, но, что важно, не тронут. – Состав разворочен. Это не диверсия с целью кражи или мародёрства. Это хирургическое изъятие. Они искали что-то конкретное и забрали только это, игнорируя всё остальное.

– Подтверждаю, – в эфире раздался новый голос. Молодой, но на удивление твёрдый, чёткий женский голос. Это была Искра. – Я проанализировала манифест состава. Официально он вёз строительное оборудование для северных регионов. Но в приложении к документу, которое удалось выцепить из зашифрованного архива, указан код «Зенит-семь». Это не оборудование. Это экранированный контейнер особого назначения.

– Что в нём было, Искра? – спросил Аробей, продолжая осмотр, его глаза выхватывали детали: странные, выжженные отметины на металле, полное отсутствие гильз от стрелкового оружия.

– Данные засекречены даже для меня на этом уровне допуска, – ответила она, и в её голосе проскользнуло раздражение от собственной беспомощности и злость на систему. – Но Гранит говорит, что это может быть связано с экспериментальными системами подавления связи и радиоэлектронной борьбы.

Аробей обошёл тепловоз и замер. У гусеничного трактора, который когда-то использовался для расчистки путей, в грязи, полускрытый грязным, промасленным брезентом, лежал человек.

Аробей мгновенно оказался рядом, опускаясь на одно колено, автоматически перекрывая сектор обзора своим телом. Это был молодой солдат в форме железнодорожных войск. Его лицо было бледным, как мел, покрытым слоем грязи и запёкшейся, тёмной кровью. Грудь едва заметно, судорожно вздымалась. Он был жив, но находился на самой грани, за которой начинается необратимое угасание.

– Гранит, у меня выживший. Один. Нужна срочная эвакуация и медик, – чётко доложил Аробей, уже доставая из подсумка индивидуальный перевязочный пакет.

– Понял. Держись с ним. Я уже поднимаю тревогу, вертолёт будет через сорок минут. Дай ему воды, если он в сознании.

Аробей осторожно приподнял голову солдата, снял с него тяжёлый, помятый шлем и достал флягу с водой.

– Эй, боец, – тихо, но твёрдо сказал он, слегка похлопывая его по щеке. – Слышишь меня? Смотри на меня. Ты в безопасности. Я из Центра. Что здесь произошло? Назови мне своё имя.

Солдат открыл глаза. Они были мутными, неестественно расширенными от пережитого ужаса, в них не было узнавания или облегчения, только чистый, животный, первобытный страх, который ломает психику. Он судорожно, с неожиданной силой схватил за рукав куртки. Его пальцы были ледяными, как у мертвеца.

– Они... они не стреляли, – прохрипел солдат, и его голос дрожал так, что слова расплывались, превращаясь в невнятное бормотание. – Сначала был гул. Такой низкий... Зубы ломит, внутри всё вибрирует. А потом они появились. Из тумана. Прямо из белой стены.

– Кто появился? Диверсанты? Группа захвата? – Аробей налил немного воды на пересохшие, потрескавшиеся губы солдата, заставляя его сделать глоток.

– Нет... – солдат закашлялся, и изо рта брызнула алая, пенная слюна. Его тело скрутило в спазме. – Они двигались как один организм. Без слов. Без команд. Наши открыли огонь... автоматные очереди в упор. А они просто шли. Пули отскакивали, или они их избегали, двигаясь неестественно быстро. Они вскрыли четвёртый вагон. Тот, с чёрным, опечатанным ящиком. Командир кричал, чтобы мы отступали, перегруппировывались, но один из них... он просто повернул голову и посмотрел на него. И командир упал. Без звука. Без выстрела. Просто упал, как кукла с обрезанными нитками.

– Как они выглядели? – Аробей сжал его плечо, заставляя сфокусироваться, возвращая из пучины шока. – Детали. Цвет, знаки различия, оружие.

– Маски... или это были их лица? Я не понял, – всхлипнул солдат, его взгляд снова начал стекленеть, фокус ускользал. – Чёрная броня, поглощающая свет. Они забрали ящик. И оставили нам это... как предупреждение. Они сказали, что «Зенит» проснётся. И тогда все радиоволны в мире станут их голосом.

Глаза солдата закатились, хватка на рукаве ослабла и разжалась. Он потерял сознание, его голова безвольно откинулась назад.

Аробей аккуратно уложил его на землю, проверил пульс на сонной артерии. Он был слабым, нитевидным, но ровным. Парень выживет, если вертолёт прибудет вовремя и не попадёт под огонь.

– Гранит, ты всё слышал? – спросил Аробей, поднимаясь. Его взгляд упал на землю рядом с окоченевшей рукой солдата. Там, в липкой грязи, лежала гильза. Но не стандартная 5.45. Она была странной, утолщённой, сделанной из какого-то тусклого, не отражающего свет сплава, с незнакомой, геометрической маркировкой. От неё едва заметно тянуло озоном, тем самым запахом, как после мощного разряда молнии. Аробей достал пинцет, аккуратно поднял её, положил в герметичный пакет и убрал в разгрузку. Это была вещественная улика, которая не вписывалась ни в один известный арсенал.

– Слышал, – голос Гранита теперь был предельно серьёзным, без тени прежней аналитической отстранённости. – Искра только что взломала внутренний сервер местного железнодорожного депо. Там есть старый диспетчер, Семён Петрович. Он дежурил в ту ночь. Он видел, как состав уводили не по основной ветке, а через заброшенные подъездные пути, ведущие прямо к старому машиностроительному заводу.

– Значит, Ворон не врал, – констатировал Аробей, пряча пакет с гильзой.

– Нет, не врал. Ситуация меняется кардинально. Это больше не просто поисковая операция по факту исчезновения. Если они действительно забрали компонент «Зенита», мы имеем дело с организацией, которая знает наши протоколы, обладает технологиями, опережающими

наши на десятилетия, и не боится применять их на нашей территории. Твоя новая цель – завод. Найди их след. Но будь предельно осторожен. Если то, что описал этот парень, правда, ты идёшь не против наёмников или диверсантов. Ты идёшь против чего-то, чего мы до сих пор не понимаем и к чему не готовы.

– Понял, – Аробей в последний раз взглянул на раненого солдата, убедился, что тот дышит, поправил на нём куртку, чтобы сохранить тепло, и повернулся в сторону густеющего тумана, за которым уже угадывались зловещие, ржавые силуэты огромных конструкций. – Выдвигаюсь к заводу.

Глава 3. Эхо в бетоне

Переход от мёртвой, органической тишины тайги к индустриальному кладбищу был подобен переходу между двумя разными мирами, двумя разными эпохами. Деревья поредели, их стволы стали тоньше, уступив место зарослям бурьяна, пробивающегося сквозь трещины в потрескавшемся асфальте. А впереди, вырастая из серой, непроницаемой дымки, как скелет доисторического, поверженного зверя, возвышался машиностроительный завод.

Огромные, безликие цеха с выбитыми, зияющими чёрными дырами окон, ржавые фермы мостовых кранов, застывших в неестественных, ломаных позах, и бесконечные лабиринты бетонных заборов, покрытых граффити и следами пуль. Дождь, начавшийся полчаса назад, превратил пыль в липкую, чёрную грязь, а металлические поверхности покрыл скользкой, предательской плёнкой.

Прежде чем приблизиться к основному периметру, Аробей свернул к небольшому, покосившемуся домику у шлагбаума, который когда-то служил проходной и постом охраны. Дверь была приоткрыта, петля жалобно скрипела на ветру. Внутри пахло сыростью, дешёвым, едким табаком и липким, тошнотворным страхом.

За деревянным столом, судорожно сжимая в дрожащих руках обрез охотничьего ружья, сидел пожилой мужчина в грязном, промасленном комбинезоне. Его лицо было серым, землистым, глаза бегали по сторонам, не в силах сфокусироваться на одной точке. Это был Семён Петрович.

– Не подходи! Руки! – хрипло, с надрывом крикнул он, вскидывая оружие. Дуло дрожало так сильно, что было непонятно, как он вообще удерживает его.

Аробей остановился, медленно подняв пустые руки, демонстрируя отсутствие угрозы. Он не стал тянуться к своему оружию, не стал делать резких движений. Он знал, что в таком состоянии человек может выстрелить от малейшего испуга.

– Я не из тех, кто забрал поезд, Семён Петрович, – спокойно, низким, успокаивающим голосом сказал он. – Я из тех, кто хочет это исправить. Я из Центра.

Старик прищурился, разглядывая тактическое снаряжение Аробея, его холодный, спокойный, лишённый паники взгляд. Обрез медленно, неохотно опустился.

– Из Центра, значит? – горько, с надрывом усмехнулся он. – Опоздали вы, господин хороший. Опоздали на три дня. Или на три жизни.

– Что вы видели, Семён Петрович? – мягко, но настойчиво спросил Аробей, делая медленный шаг вперёд. – Мне нужно знать, куда они ушли. Каждая деталь важна.

Старик тяжело вздохнул, провёл дрожащей рукой по лицу, словно стирая с него невидимую, липкую паутину воспоминаний.

– Они пришли ночью. Не шумели. Вырезали замок на воротах, как по маслу, без единой искры. Я спрятался здесь, под столом. Видел, как они вели колонну. Не солдаты. Призраки в чёрной броне, которая не отражает свет. Они не шли к главным цехам, где можно было бы укрыться. Они спустились вниз. К старым подземным коммуникациям, что идут под заводом. Там раньше были секретные склады и убежища на случай бомбёжки, о которых в официальных планах не упоминается.

– Вы знаете, как туда попасть? – Аробей достал из кармана небольшую, туго свёрнутую пачку крупных купюр и положил её на стол.

Семён Петрович посмотрел на деньги, затем на Аробея. В его глазах мелькнула тень старой, забытой гордости, упрямства человека, который видел, как рушилась страна, но не продался. Он двумя пальцами сдвинул пачку обратно.

– Деньги мне не нужны, если я не доживу до завтрашнего рассвета. Но я дам вам карту. Старую, ещё советскую, с пометками, которых нет в цифровых базах. Там отмечены вентиля-

ционные шахты, которые ведут прямо в архивный подвал, минуя основные коридоры. Если они ищут что-то, связанное с инфраструктурой завода или хотят скрыться, они будут там. Но послушайте меня: не ходите по главным коридорам. Они расставили там «сюрпризы». Идите через вентиляцию. И ради всего святого, не включайте яркий свет. Они его чувствуют. Они его видят.

Аробей взял потрёпанную, заламинированную схему, внимательно изучая её при тусклом свете единственной лампочки.

– Спасибо, Семён Петрович. Забирайте семью, если она есть, и уезжайте отсюда. Сегодня ночью здесь будет жарко, и тому, кто окажется рядом, не поздоровится.

Оставив старика, Аробей двинулся к периметру завода. Дождь усилился, барабана по ржавым листам железа, что играло ему на руку, заглушая звук шагов и создавая постоянный белый шум. Он нашёл указанную на карте старую вентиляционную шахту, замаскированную густыми, разросшимися кустами сирени у глухой стены третьего цеха. Решётка была сорвана изнутри, болты выломаны с пугающей аккуратностью.

Он бесшумно скользнул внутрь, в чрево завода.

Мрак поглотил его мгновенно, плотный и осязаемый. Воздух здесь был спёртым, тяжёлым, пахло машинным маслом, вековой плесенью и чем-то ещё – тем самым слабым, электрическим запахом озона, который он уже чувствовал у разбитого поезда. Аробей включил налобный фонарь, прикрутив его до минимальной, тусклой настройки, достаточной лишь для того, чтобы не свернуть шею и видеть контуры стен.

Он двигался по узкому бетонному тоннелю, спускаясь всё ниже по наклонной плоскости. Эхо его собственного дыхания казалось оглушительным в этой давящей, могильной тишине. Стены были покрыты конденсатом, капли воды падали с потолка, отсчитывая время, как метроном.

Внезапно в наушнике раздался голос Гранита, но на этот раз он был приглушённым, прерывистым, пробивающимся сквозь толщу бетона и металла.

– Аробей... слышишь меня? Сигнал... экранирование... теряю тебя...

– Слышу слабо, Гранит, – прошептал Аробей, прижимая тангенту. – Я под землёй. Глубина около пятнадцати метров.

– Искра перехватила... короткий, зашифрованный импульс... внутренней связи завода. Это не наши частоты. Голос искажён, синтезирован. Он отдал приказ: «Очистить периметр архива. Никаких свидетелей. Протокол "Фантом" в действии». Аробей, ты не один там. Они знают, что ты вошёл.

Аробей замер, прислушиваясь, затаив дыхание. Впереди, за резким поворотом тоннеля, послышался звук. Не случайный шорох крысы или падающей штукатурки. Это был ритмичный, синхронный звук шагов. Двое. Может, трое. Они двигались навстречу, их тактический свет уже выхватывал из темноты очертания влажных стен, скользил по потолку.

Аробей мгновенно выключил фонарь. Тьма стала абсолютной, густой, давящей на глаза. Он прижался спиной к холодной, мокрой стене, затаив дыхание так, что лёгкие перестали двигаться. Его пальцы легли на цевье автомата, большой палец бесшумно снял предохранитель. Он не видел их, но он слышал их. Они не разговаривали. Они не использовали фонари. Они двигались в кромешной темноте с той же пугающей, нечеловеческой уверенностью, о которой говорил выживший солдат у поезда.

Шаги приблизились. В луче тусклого, аварийного света, пробивающегося из дальнего конца тоннеля, Аробей увидел силуэты. Высокие, массивные фигуры в броне, которая, казалось, поглощала свет, делая их почти невидимыми пятнами на фоне стены. Они остановились в десяти метрах от него. Один из них медленно поднял руку, оснащённую каким-то странным, светящимся бледно-зелёным сканером, и повёл им по сторонам, сканируя пространство.

Сердце Аробея билось ровно, методично, но адреналин уже наполнил его мышцы, обостряя чувства до предела, готовя тело к взрыву. Он знал, что у него есть только одна секунда. Одна секунда, чтобы нанести удар первым, использовать эффект неожиданности, пока они его не обнаружили своим сканером.

Он сделал глубокий, бесшумный вдох, сжал автомат, чувствуя знакомую тяжесть и надёжность оружия, и шагнул из спасительной тени навстречу эху, которое больше не было просто звуком. Оно стало охотником. И он был готов стать его кошмаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.